На правах рукописи

ПОНОМАРЕВА НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА

СОЦИАЛЬНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФАКТОРОВ РЕФЛЕКСИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Ижевск – 2010

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Камская государственная инженерно-экономическая академия» (ИНЭКА)

Научный руководитель:	доктор философских наук, профессор **Комадорова Ирина Владимировна**
Официальные оппоненты:	доктор философских наук, профессор **Ильин Виктор Васильевич** доктор философских наук, профессор **Сабиров Аскадула Галимзянович**
Ведущая организация:	ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Защита состоится 23 декабря 2010г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.08 при Удмуртском государственном университете по адресу: 426034, г. Ижевск, ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», ул. Университетская, д.1, корпус VI, ауд. 208.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан « » ноября 2010г.

Учёный секретарь диссертационного совета,

кандидат философских наук, доцент О.В. Санникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Современность, характеризующаяся мотивами «многослойной» кризисности, с учётом отличительной особенности под названием «глобализация» включает в себя и социально-философскую составляющую. Назревшая необходимость изменения индифферентной к человеку парадигмы развития цивилизации сегодня, в условиях неопределённо-направленной подвижности социальной канвы, является предметом интенсивных философских размышлений, что влечёт за собой и новое осмысление факторов, влияющих на рефлексивное переосмысление социального бытия.

Социальный опыт человека представляется решающим, цивилизующим историю началом, отрыв же сознания от социальной сферы чреват тупиками мировоззренческого и общеисторического характера. Характеризуя в самом общем виде эпистемологический каркас, обрамляющий современное общество, необходимо отметить, что экономические и технологические детерминанты прошлых эпох сменяются сегодня детерминантами социокультурными, причём мозаичность постиндустриального общества обусловливает полидетерминистский характер, в том числе, и эпистемологических парадигм.

Для сегодняшнего времени характерен процесс преобразования теории познания в подлинное социально-гуманитарное исследование, т.е., происходит социологизация гносеологии, а значит, расширяются предметные поля в целом гносеологических, и, в частности, - социально-эпистемологических исследований. После развенчания неопозитивистской доктрины, характеризовавшейся логико-методологическими программами демаркации науки и ненауки, историко-культурным подходом к методологическому определению науки, эпистемология стала разделом социальной философии, рассматривающей вопросы природы и логики познания общественных процессов, проблемы объективности научного знания и его структуры.

В постнеклассической науке интерпретация знаний неразрывно связана с рефлексивными представлениями, этическими нормами и морально-этическими представлениями. На этой основе ведётся поиск новых подходов к концепциям социального регулирования[1]. Игнорирование этих реальностей приводит к потере целостности и к культу примитивной рациональности. Таким образом, как императив нужно воспринимать сегодня тезис о том, что безразличие к системе ценностей грозит обществу распадом.

Современное дискутирование по вопросам общественного развития пробуждает к жизни новое рефлексивное пространство, позволяющее не только анализировать, но и выявлять новые познавательные практики: так, использование континуальной связности философского и геометрического стилей мышления оправдано самим ходом становления постнеклассического типа рационально-

[1] См. Проблемы субъектов социального проектирования и управления./Препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. – М.: 2006. – 256 с.

сти, являющим собой пример смены дисциплинарной замкнутости междисциплинарными связями.

Общественная действительность, резюмированная тезисом «государство усиливается, общество хиреет» иллюстрирует следующее: решение социальных задач должно быть сопряжено с анализом социально-онтологических представлений, направленным на прояснение логики развития социума и на формирование общественно-значимых ориентиров.

Степень разработанности проблемы. В современной социальной эпистемологии возможно выделить ряд подходов, причём обозначение этих позиций отражает общефилософскую ситуацию и позволяет резче обозначить социально-философские проблемы. Во-первых, - это актуализирующие социально-эпистемологическую проблематику исследования современных зарубежных авторов: Барнса Б., Бергера Т., Д. Блура[1], С. Вулгара, Голдмана Э.[2], К.Д. Кнорр-Цетины, Р. Коллинза[3], Б. Латура, Лукмана П.[4], Манхейма К.[5], С. Рестиво[6], М. Сера[7], Фитчера К., Фуллера С.[8], Д. Шер[9].

Во-вторых, - традиция сопоставления научного поиска с различными аспектами социокультурной среды, прослеживающаяся в отечественном социально-философском русле на протяжении почти трёх последних десятилетий. Это работы исследователей: Н.С. Автономовой, Г.С. Батищева, Т.Л. Габришкова, П.П. Гайденко, А.А. Ивина, И.Т. Касавина, Л.А. Микешиной, А.С. Панарина, В.Н. Порус, Б.И. Пружинина, Розова Н.С., З.А. Сокулер, Й. Стаховой и др.

В-третьих, - историко-философский экскурс позволяет выявить исследователей социального контекста познания: Б. Малиновский, С.А. Токарев Т. Кун, К. Леви-Стросс, Поппер К., Дж. Фрейзер. Знание античности, средневековья, а также периода научной революции Нового времени проанализировано в трудах

---

[1] См. Bloor D., Barnes B., Henry J. Scientific knowledge: a sociological analysis. Chicago, 1996.

[2] Голдман Э. - провозвестник нового типа эпистемологии – социальной, обозначивший её проблемное поле как признание значения многих научных дисциплин для теории познания, но при этом мыслитель подчеркивает, что она должна быть не просто их эмпирическим объединением: эпистемологии следует сохранять своё отличие от «позитивных наук»; не только описание познавательного процесса, но и его нормативная оценка с точки зрения понятия истины составляет сущность его «социальной эпистемики». См. Goldman A. Knowledge in a social world. N.Y: - 1999. – 407 p.

[3] Р. Коллинз в 1998г. изложил концепцию новой дисциплины под названием «социология философий», являющей собой социологию интеллектуального развития на протяжении большой исторической длительности.

[4] См. Лукман Н. Власть. – М.: 2001. – 256 с.

[5] См. Манхейм К. Структурный анализ эпистемологии. - М.: 1992. - 40с.; Манхейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколения – состязательность – экономические амбиции. – М.: 2000.

[6] См. Restivo S. The social life of mathematics//Math worlds: Philosophical and social studies of mathematics and mathematics education. N.Y., 1993. – P. 247-278.

[7] Serres M. Une ou deux mathematique grecques? Gnomon: les debuts de la geometrie en Grece//Elements d'histoire des sciences. – 1989. - P. 95.

[8] С. Фуллер идёт по пути синтезирования важнейших философских течений XX в., связанных с именами К.Поппера, Ю. Хабермаса и М. Фуко. Это позволяет ему рассматривать социальную эпистемологию не просто как одну из версий современной теории познания, но как её глобальную и интегративную перспективу. См. См. Remedios F. Legitimizing Scientific Knowledge: An Introduction to Steve Fuller's Social Epistemology. - Francis Remedios, Lexington Books, 2003. – 153 p.

[9] Sherry D. Don't take me half the way: On Berkeley on mathematical reasoning//Studies in history a.philosophy of science. – Oxford: 1993. – Vol. 24, N.2. – P.207-225.

А.В. Койре[1], Д. Холтона, А.Д. Рожанского. Необходимо отметить, что современные достижения НТП, а также социокультурная динамика, ставят новые задачи перед эпистемологическим поиском. Среди последних работ необходимо назвать исследования Бехманна Г., Ильина В.В., Качанова Ю.Л., Пружинина Б.И.[2] В частности, отмечается, что «эпистема» социальной науки – это система оснований социального познания, граница того, что социологически познаваемо. Она представляет собой динамическую социальную структуру, обусловливающую конкретный социологический дискурс в каждый исторический период. Использование понятия «эпистема» предполагает, что субъективность и интенциональность полагаются как функции социальных структур, а не как нечто первичное. Социальность, таким образом, может рассматриваться как способность создавать практические структуры, кореллирующие с внутренней логикой формирования эпистемологической картины мира.

Обращение к геометрическому знанию не является случайным. Евклид, Фалес, Агафарх, Пифагор, Евдокс, Теэтет, Пифагор, Платон, Гиппократ Хиосский, Аристотель, Порфирий, Прокл, Гиппарх, Н. Кузанский, Б. Паскаль – таков не полный перечень имён, коим мы обязаны введению в философию - alma-mater науки, геометрических понятий и образов. Континуальная связность геометрического и философского познавательных стилей прослеживается в работах Платона, Плотина, Прокла, Декарта Р., Спинозы Б., Канта И., Беркли Д., Пуанкаре А., Гуссерля Э., Шпенглера О., Л. Витгенштейна, Флоренского П.А. , Штайнера Р., Пенроуза Р. и др.

Рефлексивным аспектам процесса познания посвящены работы Лефевра В.А., Г.П. Марача, Щедровицкого В.Г. и др[3].

Методологические варианты учёта социальности познания прорабатывались, в частности, в работах Л.Лаудана, У.Г.Ньютон-Смита[4].

Исследование общественного аспекта процесса познания осуществлялось в германской традиции от Маркса К. до Ницше Ф. и Шелера М., а также во французской культурной антропологии Дюркгейма Э. и Мосса. Наиболее выдающимся исследователем в этой области был К. Манхейм, который в работе

---

[1] См. Койре А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. – М.: 2003. - 272 с.

[2] См. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. Пер. с нем. - М.: 2010. - 248 с.; Ильин В.В. Теория познания: Эпистемология. - М.: 2010. - 136 с.; Качанов Ю Л. Эпистемология социальной науки. Серия: Gallicinium. - М.:, 2007. - 232 с.; Пружинин Б.И RATIO SERVIENS? Контуры культурно-исторической эпистемологии. - М.: 2009 - 422 с.

[3] См. Щедровицкий Г.П. Мышление, понимание, рефлексия. – М.: 2005. – 800 с.;
Проблемы субъектов социального проектирования и управления./Препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. – М.: 2006. – 256 с.; Рефлексивные процессы и управление/Международный научно-практический междисциплинарный журнал. - 2006. - №2. Т. 6. – С. 111.; Марача В.Г. Институты, рефлексия и доверие в контексте вопроса о факторах общественного развития/Рефлексивные процессы и управление. – 2006. - №2. Т.6. – 31- 40 С.; Филимонов В.А. Алгебра логики и совести. Учебное пособие/Вступительное слово В.А. Лефевра. – Омск: 2006. – 72 с.

[4] См. A companion to the philosophy of science/ Ed. by W.H. Newton-Smith. Oxford, 2001; Laudan L. Science and Hypothesis. Dordrecht: 1981.; Ньютон-Смит У. Роль интересов в науке //Естествознание в гуманитарном контексте. - М.: 1999. - С. 57-70.

1956 г. «Идеология и утопия: введение в социологию познания» утверждал, что историческая и социальная среда определяет и содержание, и форму нашего знания. Однако он не признавал за математикой и естественными науками в целом экзистенциальной детерминации.

Сегодня, в эпоху плюральности познавательных человеческих практик, заслуживающих звания или претендующих на звание науки, представляется возможным использование социальных теорий для эпистемологии в целом, и напротив, использование познания, в частности, социальной природы философско-геометрической диалогической рефлексии, для построения адекватных действительности социальных теорий. Введение исторических и социальных мотивов в понимание науки оправданно, т.к. получаемая при этом информация всегда интересна и на многое проливает свет. Рефлексивные же факторы общественного развития имеют самостоятельное значение в контексте осуществления общественных изменений.

Объектом исследования является социально-эпистемологический потенциал рефлексии современного общества, **предметом** - современные социальные факторы знаниевой рефлексии общества.

Цель исследования - выявить социально-эпистемологический ресурс факторов саморазвития современного общества.

Поставленная цель достигается посредством решения следующих **задач**:

- выявить логику развития социальной эпистемологии как современной философско-методологической дисциплины, позволяющей интерпретировать феномен социального знания в единстве его когнитивных, социальных и аксиологических детерминаций;
- обозначить факторы решения проблем самоуправляемого общественного развития на основе континуума социальной философии и социальной эпистемологии;
- определить социальную эпистемологию в качестве современной научной дисциплины, осуществляющей рефлексию междисциплинарного характера, направленную на общественные изменения;
- уточнить специфику современного эпистемологического поиска посредством диалогической рефлексии философского и геометрического стилей мышления;
- конкретизировать необходимость рефлексивного выявления общественно-полезных норм и устоев;
- деконструировать индифферентные по отношению к морально-нравственному контексту общественные ориентиры развития.

Теоретико-методологической основой философского анализа в рамках исследования избрана концепция плюрализма научного познания, обусловленная парадигмальным каркасом постнеклассического типа научной рациональности, что позволило исследовать объект диссертации во всей полноте. К анализу социальности знания применён нормативистский подход. В контексте со-

циокультурной критики влияние рефлексивных факторов на общественное развитие соответствует гегелевскому принципу развития через отрицание.

В работе использовались труды как отечественных, так и зарубежных учёных, занимающихся вопросами философского и социально-эпистемологического познания общественного развития посредством аксиологического и социокультурного подходов. Континуум философского и геометрического стилей мышления в качестве междисциплинарной методики обусловлен атрибутом современного научного дискурса - знаниевой интегративностью.

Научная новизна основных результатов исследования заключается в следующем:

1. реконструирован статус социальной эпистемологии как особой методологической программы в исследовании знания, фундаментально базирующейся на социально-философских вызовах времени;

2. установлено, что общество посредством своего включения в символический контекст эпистемологического познания обнаруживает потенциал саморегуляции высокой степени;

3. конституировано, что социальная эпистемология обнаруживает нехватку новых способов обновления обществом условий своего существования;

4. определено, что инвариантным объектом знаниевой одночленной совокупности социально-эпистемологического поиска является континуитивность философского и геометрического стилей мышления;

5. представлена связь диалогической рефлексии философского и геометрического стилей мышления с этико-политическим факторами социального бытия посредством символических методов его реконструкции;

6. обозначено, что посредством генерирования этических концепций социального саморегулирования рефлексия являет собой субъект процесса социального проектирования и управления.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в обобщении результатов различных философских исследований, потенциально способных быть отнесёнными к социально-эпистемологической проблематике. Ряд положений и выводов диссертации могут быть использованы при чтении курсов «Философия», «Социальная философия», «Философия науки», «Социология науки», «Философия общества», «История и философия науки». Диалогическая рефлексия философии и геометрии может стать основанием для введения отдельных подкурсов (в рамках государственного и регионального компонентов ГОС) для аспирантов и магистрантов технических и социально-гуманитарных специальностей: «Философские основания геометрии в контексте генезиса научных знаний» и «Социальная эпистемология в XXI веке: основные подходы и перспективы развития».

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Рефлексивный знаниевый компонент социальной эпистемологии - атрибут поиска путей общественного саморазвития.

2. Интеграция философского и геометрического знания в сфере эпистемологического дискурса способна актуализировать задачи, перманентно возникающие перед обществом;

3. Задачи социально-эпистемологического познания как зрелой научной картины мира сопряжены с анализом социально-онтологических представлений, направленным на прояснение логики развития социума и на формирование общественно-значимых ориентиров.

4. Переплетение методов философии с геометрическими методами, иллюстрируемое посредством историко-философского обзора среза «классика – неклассика - постнеклассика», континуально по своей природе.

5. Эволюция социально-значимых знаний предполагает изменение подходов к его репродуцированию, в частности, новое содержание извлекается из ранее существовавших, философски обоснованных социальных знаний и смыслов, что имеет непосредственное отношение к процессу рефлексии. На примере мировоззрения пифагорейцев при использовании диалогической рефлексии философского и геометрического стилей мышления обосновывается наличие социального заказа на теории государственного устройства, «отягощённые нормами морали».

6. Блокирование обществом процесса рефлексии исключает человеческое измерение ориентиров саморазвития.

Апробация результатов исследования осуществлялась посредством публикаций основных идей диссертации, а также выступлений на международных, всероссийских, региональных и межвузовских конференциях, проходивших в г.Елабуге, г.Ижевске, г.Ульяновске, г.Набережных Челнах. Теоретические положения и выборочные результаты диссертационного исследования использованы в процессе чтения общего курса философии студентам дневного отделения Камской государственной инженерно-экономической академии (ИНЭКА), а также чтения курса «Философия науки» в рамках двухуровневого процесса обучения.

Основные теоретические положения и выводы диссертации изложены в 16 публикациях автора, общим объёмом 4,5 п.л.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, содержащих по три параграфа соответственно, заключения и библиографического списка источников и литературы, включающего 208 наименований. Общий объём диссертации – 150 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень её научной разработанности, сформулированы цель и задачи, определена научная новизна, практическая значимость и теоретико-методологическая основа работы.

Первая глава «Социальная эпистемология как субъект процесса общественного развития» посвящена выявлению социальных факторов знаниевой рефлексии современного общества, что, в частности, целесообразуется проблемой существования информационно-знаниевого профицита.

Обосновывается, что пространство эпистемологии обозначено проблемами поиска новых путей в области научно-философских исследований начала XXI века. В центре здесь должен находиться процесс обогащения традиционных моделей науки идеями и методами специально-научных дисциплин, трансформацию философии науки в междисциплинарную область исследования.

В первом параграфе первой главы «Теоретико-методологические принципы социально-эпистемологического поиска в условиях плюрализма современного общества» обозначается эпистемологическая канва современного общественного бытия.

Человеческая жизнь представляет собой деятельность, которая может быть, в частности, определена как целеориентированная активность индивида, решающая вопросы его связей с природно-социальным окружением и, что по своим формам деятельность эта культурно-детерминирована[1]. Если же жизнедеятельность человека не имеет социокультурной детерминации, то она есть всего лишь проявление биологической активности особи вида homo sapiens. Человеческая деятельность связана с вопросами прямого или опосредованного взаимодействия с социальным окружением и является актом обязательно аксиологически окрашенным и имеющим символическое значение, т.е. способным быть передаваемым другим людям посредством символического описания – текста, образного, в т.ч. геометрического, описания и пр. В свете искомого, из всех выделяемых видов деятельности[2]: материально-преобразующей, двигательной, витальной, познавательной, коммуникативной, организационно-регулятивной, интеллектуально-рефлексивной, культовой, художественно-образной, репродуктивной, и др., особый интерес представляют четыре вида. Это: 1) познавательная деятельность, при которой добывается, систематизируется и хранится новая информация о мире и самом человеке; 2) интеллектуально-рефлексивная деятельность, направленная на осмысление людьми своего бытия, систематизацию своего мировоззрения, нахождения и ввод в оборот новых смыслов и логических обоснований своего существования – рациональных, мистических, религиозных и др.; 3) художественно-образная деятельность, в ходе которой видимый или представляемый мир отображается в чувственных образах словесного, живописного, музыкального, танцевального, мимического, карнавального или иного игрового свойства; 4) репродуктивная деятельность, связанная с воспитанием, образованием, приобщением к традициям, а, в конечном счёте – с социальным воспроизводством самого общества как культурной

[1] Комадорова И.В. Американская культурная антропология о факторах социокультурной динамики. – М.: 2005. - 187 с.

[2] Флиер А.Я. Историческая динамика культуры//Филос. науки.- 2000. - №2. – С. 167-173.

целостности. Наука как социальный институт имманентна обществу, зрелость же науки – атрибут самодостаточности общества.

Социальная эпистемология (одним из первых теорию которой разрабатывал Э. Голдман в конце 70-х начале 80-х гг. XX в.), ab ovo обозначила своей целью выявление и оценку социальных процессов. Отмечается, «что процесс эпистемологической рефлексии, начатый при условии принятия определённой современной концепции науки, практически выведенной из идеализации «точное естествознание», хотя она и считается «общей», позволяет включить и общественные дисциплины в область науки….что приводит к пересмотру и переформулированию «общего» понятия науки, серьёзным образом принимающим во внимание её социальную обусловленность»[1]. Система оснований социального познания представляет собой динамическую социальную структуру, обусловливающую конкретный социологический дискурс в каждый исторический период. Использование понятия «эпистема» предполагает, что субъективность и интенциональность полагаются как функции социальных структур, а не как нечто первичное[2]. Исходя из этого, предпринимается обоснование встроенности социальной эпистемологии в структуру социальной философии.

Современная тенденция по гуманизации науки иллюстрируется позиционированием наукой себя как социокультурной реальности, включающей в свой предмет человека, а значит допускающей субъективность в объективно истинном знании. Науке до́лжно осознать своё место в общей системе человеческой культуры и мировоззрения. Важной чертой постнеклассической науки становится интенсификация междисциплинарных исследований, невозможность разрешения научных проблем без привлечения данных других наук.

Во втором параграфе первой главы «Социальная философия и социальная эпистемология: опыт континуальных связей» раскрывается предмет социальной эпистемологии как отношение знания к социальности и отношение социальности к знанию, ибо «глобализация» касается не того, что все мы или хотя бы наиболее изобретательные и предприимчивые из нас, хотим или надеемся совершить. Она означает то, что со всеми нами происходит[3].

С целью обличения современного языка философии обрисовываются концепты социальной философии, а также основные социальные функции эпистемологии. Отмечается, что люди как социальные объекты, обладающие сознанием, совершают социальные действия посредством знаковых систем (языков).

Современные общества можно охарактеризовать как «суть образования, которые отличаются, прежде всего, тем, что “сами производят” свои структуры, сами определяют своё будущее, - а стало быть, обладают способностью к саморазрушению»[4], из чего следует утешительное следствие: общества *сами* опре-

---

[1] Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи//Вопросы философии. - 2010. - №7. – С. 59.
[2] См. Качанов Ю Л. Эпистемология социальной науки. Серия: Gallicinium. - М.: 2007. - 232 с.
[3] Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. - М.: 2004. - 88 с
[4] Штер Н. Мир из знания //Социологический журнал. – 2002. - № 2. - С. 33. Цит. по Ефременко Д.В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы//Вопросы философии. – 2010. - №1. - С. 61.

деляют своё будущее, которое, может быть ориентировано как на саморазрушение, так и на саморазвитие. Основные социальные функции эпистемологии можно сгруппировать по следующим направлениям:

- исходя из того, что эпистемология есть изучение философских проблем познания, принять во внимание, что одной из социальных функций эпистемологического познания является рефлексионная его составляющая;

- эпистемология и гносеология покоятся в антропологии: в отношениях между обществом и миром, культурой и природой[1];

- «в основе… коперниканской социальной революции в науке лежат три взаимосвязанных усмотрения: всякий язык социален; человек есть социальная структура; интеллект (сознание, познавательный аппарат) есть социальная структура. Они и лежат в основе радикальной социологии математики» (свидетельством тому, в частности, служат взгляды О. Шпенглера и Л. Витгенштейна и Э. Дюркгейма)[2];

- если стержнем мировоззрения, без сомнения, является система культурных ценностей, то ядром теоретической философии является методологическая рефлексия, без которой невозможны ни концептуальное мышление, ни научное образование (И.Т. Касавин);

- современное научное мышление возникает и развивается в рамках проективно-конструктивного отношения к миру[3];

- смысловой анализ проективно-конструктивной позиции приводит к философии субъективности: сегодня неклассические стандарты рациональности не настаивают на эпистемологической исключительности науки, а «разбавляют» ее экзистенциальными переживаниями: так, постмодернизм во «главу угла» ставит не объективный характер знания, а субъективные, непознавательные измерения, т.е. можно сказать, что новое знание возникает из незнания;

- человеческие представления о реальности – это социальные конструкты, а человеческая деятельность приводит и поддерживает факты о мире, в том числе, научные факты.

Континуальность философского и геометрического стилей познания, их мировоззренческий статус подкрепляется историческим обзором философских учений, с акцентуацией на том факте, что геометрический инструментарий позволяет создавать своего рода «макроскоп», который позволил бы охватывать виртуальным взором большое число раскинутых во времени событий и даст возможность уловить новый рисунок событий в широком полотне происходящего. Подчеркивается, что геометрический стиль развивался поэтапно – с обыденного сознания пещерного человека до научного сознания и вместе с процес-

---

[1] Serres M. Une ou deux mathematique grecques? Gnomon: les debuts de la geometrie en Grece//Elements d'histoire des sciences. – P., 1989./Цит. по З.А. Сокулер «Зарубежные исследования по философским проблемам математики 90-х гг.». - М.: 1995. – с. 9.

[2] Restivo S. The social life of mathematics//Math worlds: Philosophical and social studies of mathematics and mathematics education. N.Y., 1993. – P. 247-278.

[3] Serres M. Une ou deux mathematique grecques? Gnomon: les debuts de la geometrie en Grece//Elements d'histoire des sciences. – P., 1989.

сом постижения Бытия человеком геометрический стиль будет изменяться, а значит, будет меняться эпистемологическая картина мира. По словам Касавина И.Т., образ познания, не вписанного в социальный контекст, в современных исследованиях считается не только не универсальным, но даже представляющим собой предельный, вырожденный случай. Поэтому сторонники, как социальной эпистемологии, так и антропологии познания расширяют понятие знания, включая в него все культурные формы знания и сознания. Потому подход к социальной эпистемологии предполагает сохранение роли философии в междисциплинарном взаимодействии.

Делается заключение о том, что социальная философия и социальная эпистемология «растут из одного корня» (науки без философии не бывает), а также выражается уверенность в том, что дальнейший совместный этот «рост» будет плодотворным в смысле:

- выявления «проблемных полей» социальной реальности, т.к. существование актуальных философских проблем служит, в том числе, и оправданием существования академической философии;
- выявления новых связей между сюжетами эпистемологии и рядом проблем, как философии культуры, так и социальной философии, а значит и конструирования нового типа социальных практик[1].

Практическая полезность социальной эпистемологии должна быть увязана с ролью её в перестройке социальных институтов. Так, Касавин И.Т. и Порус В.Н. приходят к необходимой миссии философии науки на рубеже тысячелетий: решить задачу обоснования единства рациональности и гуманитарных ценностей. В центре новой архитектоники познания сам человек - исторически действительный, участный, ответственно поступающий мыслью и действием. На этом основании и должна выстраиваться эпистемология XXI века, вбирающая не только идеалы естествознания, но и богатейший опыт наук о культуре, художественного видения мира. Таким образом, философия науки сегодня преобразуется в междисциплинарное исследование с преобладанием гуманитарного компонента. Иллюстрация хода развития науки на современной постнеклассической стадии как пример смены дисциплинарной замкнутости междисциплинарными связями, в свою очередь, актуализирует данные исследования.

В третьем параграфе первой главы «Изменчивость социума и социальные цели образования и науки» обозначается общая озабоченность проблемами социализации процесса познания.

Наука в качестве социального макрокосма характеризуется присутствием той же дисциплины, что и в обществе: правила, определяющие научный поиск, сравнимы с правилами, прописывающими общественные устои, т.е. цели науки социальны, и средства должны иметь тот же характер. Можно сказать, что научная жизнь представляет собой следование и развитие социальности. Специфика статуса социальной эпистемологии состоит в междисциплинарности под-

[1] Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М.: 2001. - 111 с.

хода и особой методологической программы в исследовании знания, в основе которой лежит принцип плюрализма, обусловленный изменчивостью социума и предполагающий логику диалога. Следует учесть, что атрибутами постнеклассического (постмодернистского) миропонимания являются (в т.ч.) идеи историчности и многообразия типов рациональности, а также доминанты визуального дискурса в методологии естественных и социально-гуманитарных наук. Примерами могут служить принцип anything goes (всё дозволено) П. Фейерабенда, а также релятивизм У.В.О. Куайна и Т. Куна. Важным следствием оговоренных методологических установок следует считать следующее: главными параметрами знания становятся свойства и изменения, возникающие под воздействием социальных и культурно-исторических условий и ситуаций[1].

Сегодня философия, социология и история – это своего рода дисциплинарные матрицы, в рамках которых производится целостное и комплексное образование, подразумеваемое под социальным знанием в обществе, что вполне сопоставимо с современным подходом к социальности знания. Он предполагает, что к знанию следует относить всё то, что является содержанием человеческой мысли, результатом аккумулирования повседневного опыта и познавательной деятельности, в числе которых: обыденные представления, религия, идеология и наука. Пребывающая сегодня в русле системного кризиса познавательная (эпистемологическая) деятельность, освещая наследие прошлого, должна обнаруживать и устойчивое стремление к будущему, к более или менее ясно осознаваемому идеалу, озабоченность формированием контуров которого содержится уже в поддерживающих связующие время традиции произведениях Пифагора, Платона и Аристотеля.

Характеристика науки как формы общественного сознания позволяет трактовать её и как фактор регулирующего воздействия на человеческую активность, определяемый качеством и количеством накопленных сведений о возможностях организации и упорядочивания социальных процессов. Таким образом, процесс познания с точки зрения научного и философского сознания, предстает как разновидность человеческой деятельности, нуждающейся в регулировании. Эпистемологический идеал (как и любой другой - образовательный, педагогический, социокультурный etc), отображающий соответствующее ему состояние общества предполагает рефлексивное обнаружение и последующее традирование средств, необходимых для трансформации этого идеала в реальность. Исследование принципов познания не должно (а, учитывая главный принцип постмодерна – плюрализм, и не может) ограничиваться монологичным дискурсом, в связи с чем, к числу таких арсенальных средств сегодня может быть отнесена континуальная связь философского мышления и геометрического мировидения, подтверждённая генезисом философской мысли. История философских учений (Платон, Плотин, Прокл, Декарт Р., Спиноза Б., Кант И., Беркли Д., Пуанкаре А., Гуссерль Э., Шпенглер О., Флоренский П.А. и др.) и

[1] Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – М.:– 2009. - с.370.

современные эпистемологические изыскания (Сокулер З.А., Перминов В.Я., Серр М., Китчер Ф., Пенроуз Р., Фолина Дж. и др.) иллюстрируют данное положение. Теоретико-познавательный арсенал, присущий человеку, предполагает наличие богатого инструментария: здесь и знания априори, и результаты эмпирического характера, и «работа» воображения и пр. Отметим, что данный арсенал средств познания содержится как в геометрии, так и в философии.

Выше уже упоминалось о том, что наука характеризуется присутствием той же дисциплины, что и общество: неизменное присутствие геометрических и философских оснований в формировании целостного мировосприятия доказывает, что эти науки смогли подчинить себя научной дисциплине, а значит, обладали для этого нужным потенциалом. Геометрия и философия со времен существования пифагорейского союза (явившего собой, возможно, пример первой научной школы, оперировавшей понятием «парадигма») включены в энциклопедический знаниевый канон. Э. Дюргейм в работе «Социология образования»[1] упоминает о том, что общество с каждым новым поколением оказывается почти перед tabula rasa, на которой ему предстоит писать всё заново. Представляется, что фактом инвариантного присутствия философского и геометрического арсеналов мировидения в познавательной деятельности любых исторических эпох, обусловливается это «почти».

Сегодня в ситуации методологической недоопределённости, формирование когнитивного консенсуса происходит на основе социальных ценностей, в числе которых профессиональные, общечеловеческие, религиозные, идеологические и др. В условиях полипарадигмальности условием формирования консенсуса можно считать согласия относительно целей и стандартов научного поиска, а также места и роли социального знания в обществе, его практического вклада. Как особый мироотношенческий тип и способ познания в контексте постмодернистской плюральности, не исключающей возможности когнитивного консенсуса, могут быть рассмотрены потенции геометрического мировидения. Геометрия характеризуется как самая гуманитарная из математических наук. Известно, что вход в Академию Платона был увенчан лозунгом «Не геометр да не войдет!». Создание геометрической картины мира, осуществленное древними греками с опорой на выработанную теорию познания - принципиально важный шаг в развитии представлений о Вселенной), которое (благодаря широте сути геометрических понятий) дóлжно рассматривать как источник новых возможностей в развитии эпистемологии, находящий отражение в многообразии культурных форм. Более того, без знания геометрической составляющей научной картины мира формируется фрагментарное, «осколочное» восприятие (геометрию в данной связи следует трактовать как науку о свойствах реального пространства (пространства-времени)). Напротив, формирование целостного мировидения возможно с опорой на образный компонент пространственного

[1] Дюргейм Э. Социология образования. – М.: 1996. – 56 с.

мышления: так, анализ истории возникновения и изменения научных картин мира иллюстрируется исключительной ролью геометрических образов в них.

Претензии на выявление методологических критериев однозначно определяющих истинность знания согласно классическому подходу, где истина есть соответствие знаний действительности, не характерны для современных идеалов научного познания, а значит, эпистемология не имеет единственной целью философский анализ проблем познания: она, прежде всего, является способом, при помощи которого общество постоянно обновляет условия своего существования. Методическая социализация эпистемологической деятельности представляется целью, способной быть достигнутой, в частности, посредством дальнейшей континуальной связи философского и геометрического арсеналов мировидения. Высокая оценка «работы видящего глаза в сочетании с мыслительными процессами» (по сути, уступка субординации координированию в оппозиции «сенсуальное – рациональное», известной со времени возникновения уже упоминавшегося пифагорейского союза), а также мысль о том, что работа глаза видит необходимость свершения и творчества в определённом месте и в определённое время (Гёте)[1], ярко иллюстрирует тезис о плодотворности континуальной связи философского (рационализм) и геометрического (сенсуализм) стилей мышления. Заключительным аккордом, резюмирующим эти доводы, могут служить слова И. Фихте: «…действительное назначение учёного сословия – это высшее наблюдение над действительным развитием человеческого рода в общем и постоянное содействие этому развитию…От развития наук зависит непосредственно все развитие рода человеческого»[2], что позволяет трактовать постмодернистское рассмотрение знаний с социальных позиций как фактор определения правил человеческого бытия, включая осуществление возможности индивидуального видения социокультурных процессов и плюрализма методологий и эпистемологических ориентаций.

Во второй главе «Рефлексия в контексте вопроса о перспективах общественного развития» фундаментализируется факт того, что рефлексия не может быть отделена от неимоверно сложного процесса исторической эволюции и развития всех её содержаний. Этот аспект составляет подлинную суть проблемы рефлексии, он не может быть решен одномоментно, раз и навсегда. С этой точки зрения и в этом аспекте проблема рефлексии является вечной, совпадающей с проблемой истории человеческого мышления, науки и культуры и являет собой путь трансформации дискурса в праксис.

В первом параграфе второй главы «Континуитивность стилей геометрии и философии как фактор диалогической рефлексии современного социально-эпистемологического поиска» синтезируются сведения, иллюстрирующие факт признания за философией и геометрией статуса инвариантных звеньев знаниевой одночленной совокупности, в том числе социально-эпистемологического поиска. Векторная направленность эпистемологии XXI

[1] Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. - М.: 2009. - 108 с.
[2] Фихте И. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. – М.: 2000. - 761-762 с.

века должна вбирать в себя не только идеалы естествознания, но и богатейший опыт наук о культуре, художественного видения мира[1], что необходимо предполагает применение образного геометрического мировидения. Современный исследователь, так или иначе, сталкивается с тем или иным вариантом отхода от классического стиля мышления: в условиях современного полипарадигмального научного поиска могут быть использованы факторы, не доступные представителям мыслительного лагеря классического периода, как-то: символизм, образность мышления, и, в частности, диалогическая рефлексия, посредством методологической дополняемости философского и геометрического стилей мышления.

Парадигмальные образовательные схемы современного общества (имён коему множество – от философского «постнеклассика» до обывательского «общество поколения “большого пальца”») объективно обусловлены информационным и информатизационным профицитом. Человека разумного, не лишённого bon sense, удовлетворять и оставлять равнодушными они не могут. Сегодня «кричащую» о себе актуализацию получает так называемый «энциклопедический канон», сложившийся во времена античности и включавший в себя семь наук – это: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Странно сегодня выглядят словесные экзерсисы, направленные на гуманизацию социума, учитывая одновременное повальное сокращение отводимых для изучения дисциплин «энциклопедического канона» часов (причём на всех уровнях образовательной программы – от среднего до высшего). Сравнительный анализ «поколенческих» достижений времён здравомысляще сформированных ГОСТов и настоящей действительности удручающ. Для недопущения дальнейшей деградации нации не нужно «изобретать новый велосипед», а достаточно обратиться к древним наработкам – интеллектуально великим и эстетически прекрасным. В данной связи уместно вести речь об инвариантах пространства познания: понятие инвариантности как сохранения неизменными основных параметров и свойств при некоторых преобразованиях впервые введено Ф.Клейном в 1872 году на числовом примере квадрата расстояния между точками отрезка прямой линии в различных системах координат. Как представляется, существуют инвариантности и других преобразований со своими законами сохранения, в частности, философия и геометрия как неизменные составляющие познавательного арсенала. Подробнейшим образом инвариантность геометрического знания исследовал, в частности, Э. Гуссерль[2]. В его творчестве социальная рациональность увязывается с познавательной рефлексивной деятельностью человека.

Не вдаваясь в детальную проработку методологических основ каждой составляющей «канона» (хотя знание грамматики, владение искусством красноречия, знание правил счёта, космогонические и космологические изыскания, а

---

[1] См. Микешина Л.А. «Значение идей Бахтина для современной эпистемологии»/ Философия науки. — Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. - М.: 1999.

[2] См. Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. – М.: 1996. – 267 с.

также музыкальное образование априори должно наличествовать у просвещенного человека) акцентируем внимание на диалектике (философии) и геометрии. История философской мысли даёт стойкое понимание континуальной связи этих двух ипостасей интеллектуального развития человечества: величайшие умы от Аристокла (Платона) до А. Пуанкаре и А. Эйнштейна свой научный поиск синтезировали с арсеналом геометрического мировидения и философским анализом. Учитывая более чем двух-тысячелетний западноевропейский генезис этих областей, апелляция к их методолого-практическому арсеналу оправданно актуальна.

В современной ситуации, в условиях трансформации технологической цивилизации весьма плодотворным является взаимодействие науки с другими познавательными традициями. Несмотря на то, что народы – существа нравственные, точно так, как и отдельные личности[1], в человеческом мире главным мотивом деятельности всегда будет личный интерес, себялюбие и сребролюбие, всегда будет существовать социальное и культурное неравенство, конфликты, поэтому важно создать такие социальные, экономические и политические механизмы, которые не позволяли бы конфликтам разрушать саму социальную ткань[2]. Создание таких механизмов не в последнюю очередь за философией. Философское образование (не академическое, которое по определению удел немногих), а ежедневное, вдумчивое проживание (по замечанию К.Р. Поппера «все люди-философы»)[3] ещё никому не вредило, а напротив, помогало, т.к. способно избавлять людей от многих ненужных трат (А. Шопенгауэр). Вообще же аналитическая и синтетическая деятельность (свойственная как философии, так и геометрии) – основа рационального познания, о котором сегодня часто предпочитают не помнить, а ставить во «главу угла» излишне утилитарные цели. Таким образом, необходимый характер сегодня имеет апелляция к древним грекам, оставившим императив «мера превыше всего».

Во втором параграфе второй главы «Социальная эпистемология: опыт новой архитектоники познания в контексте интеллектуальных смежных традиций философского и геометрического знания» приводится рассмотрение процесса развития проблематики, связанной с историко-социальной обусловленностью философского познания, посредством взаимообусловленности социальной философии и социальной эпистемологии в контексте интеллектуальных смежных традиций философского и геометрического знания. Акцентируется внимание на проективно-конструктивном, символическом оформлении процесса познания к миру. Данными проблемами занималось множество исследователей[4]. В частности, Бергер П. и Лукман Т. в работе «Социальное конст-

[1] Чаадаев П.Я. Философические письма. – М.: 2006. – 13 с.

[2] Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М.: 2001. - с.15.

[3] Поппер К. Р. Все люди – философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант – философ Просвещения. – М.: 2003. – 15 с.

[4] См. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: 1995. – 323 с; Гуревич П.С. Философская антропология: опыт семантики//Вопросы философии. – 1995; Кардамонов О. Социология символа. – М.: 2004; Комадорова И.В. Культура как социальный феномен в символической антро-

руирование реальности»[1] отмечали, что символический универсум представляет собой:

- матрицу всех социально объективированных и субъективно реальных значений;

- целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого символического универсума;

- символический универсум интегрирует самые различные значения, классифицирует феномены в определённых категориях иерархии бытия, определяя сферу социального в этой иерархии;

- упорядочивает историю, связывая коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее.

Исходя из того, что: а) реальное человеческое познание – познание рассудочно-образное, символическое; б) всякий язык есть система образов, а всякая система образов имеет в своей основе образы геометрические[2], всё общество включается во всеобъемлющий образно-смысловой мир.

Время от времени в общий культурный поток включаются новые элементы. Создаются новые комбинации и «синтез элементов культуры, открытия и изобретения»[3]. Относительно новой комбинацией элементов традирования социального-философского и общекультурного значения будет синтез геометрического знания с социально-философским и эпистемологическим проблемными полями. Обозначенная междисциплинарность (которая с возникновением ряда новых наук, например, когнитивистики, и формированием понимания новой роли философии в диалоге с науками) носит неклассический характер и характеризуется следующими моментами:

- привлечением в философский анализ идей, результатов и методов наук о познании;

- учитывает обретение философией социально-философской ориентации, т.е. знание (как предмет исследования) и познание (как реальность, состоящая в

пологии Л.А. Уайта. – М: 2001.– 199 с.; Комадорова И.В. Американская культурная антропология о факторах социокультурной динамики. – М.: Academia, 2005. – 294 с.; Коротеева В.В.Этнические символы и символическая природа этничности: концепции Дж. Армстронга, Э. Смита и Э. Хабсбаума//Ценности и символы национальной национального самосознания в условиях изменяющегося общества. – М.: 1994; Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. – М.: 1997; Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.:1991; Плахова А.В. Социальная символика: к определению понятия. – Л.: 1988; Флоренский П.А. Имена: Сочинения. – М.: 2006. – 896 с.; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность. – М.: 2006. – 800 с.; Щепанская Т.Б. Превращение символа//Этнографическая наука и этнокультурные процессы. Способы взаимодействия. – СПб.: 1993; Этнознаковые функции культуры/Под ред. Ю.В. Бромлея. – М.: 1991 и др.

[1] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: 1995. – 157-158 с.

[2] Шапошников В. Н. Математические понятия и образы в философском мышлении (на примере философии П.А. Флоренского и философских идей представителей Московской математической школы): Автореф. дис. канд. филос. наук. – М.: 1996. – 22 с.

[3]White, Leslie A. Essays in the science of culture. In honor of Leslie A. White. In celebration of his sixtieth birthday and his thirtieth year of teaching at the Univ. of Michigan. Ed. By Gertrude E. Dole and R.L. Carneiro. New York, Growell, cop. 1960/Цит. по Комадорова И.В. Культура как социальный феномен в символической антропологии Л.А. Уайта. – М: 2001. – 94 с.

производстве смыслов) понимаются как элементы общей человеческой деятельности.

Открываемая геометрией бесконечность вопросов, ведущих к определённым ответам, принимается в качестве эпистемологического аргумента. Причём развертывание данного аргумента может, помимо всего прочего, являть собой и поиск эффективного научного мировоззрения «человека культуры» XXI века. Тот факт, что ГОСТы высшей школы РФ обозначают принадлежность философии и начертательной геометрии к циклам ОГЭ (обще-гуманитарному и социально-экономическому) и ОПД (обще-профессиональных дисциплин) соответственно, является дополнительным обоснованием статуса философии как науки социальной, а геометрии - как классической.

Фундаментализм эпистемологии обусловлен тем, что многие представления совпадают с идеями, лежащими в основаниях современной науки, в частности о субъектно-объектных отношениях, о возможности познания сущности и истины и т.д. Сегодня в унисон с гуссерлианским тезисом о том, что наука забыла о человеке, выступают (с целью обозначить новые возможности в развитии эпистемологии) в среде российских философов: И.Т. Касавин, Л.А. Микешина, З.А. Сокулер, В.А. Лекторский, В.С. Стёпин, Н.С. Розов и др. Проблематика рассматриваемых данными мыслителями проблем лежит в русле, в том числе, социальной эпистемологии, а именно: как нарушить сложившуюся в классической эпистемологии парадигму, не учитывающую опыт наук о культуре и духе, каким образом ввести в эпистемологию пространственные и темпоральные, исторические и социокультурные параметры. Социальной эпистемологии следует сохранять своё отличие от «позитивных наук»: не только описание познавательного процесса, но и его нормативная оценка с точки зрения понятия истины составляет сущность социальной эпистемики[1].

Предметом социальной философии являются отношения между общественным человеком, с одной стороны, и, в частности, с социальными институтами – с другой. И в этой связи важно само выявление сути новых социально-философских познавательных векторов. При всём многообразии подходов к социальной эпистемологии полностью разделяем подход Касавина И.Т.: «социальная эпистемология должна основываться на глубинной взаимосвязи знания, сознания, деятельности и общения и изучать все аспекты человеческого бытия, анализируя социокультурное, нормативное и регулятивное содержание знания и вырабатывая при этом новую интерпретацию понятий рациональности, знания, истины….Мой подход к социальной эпистемологии предполагает рассмотрение её как снятие противоположности классической и неклассической эпистемологии путем развития постнеклассической эпистемологии, сохраняющей роль философии в междисциплинарном взаимодействии»[2].

---

[1] Goldman A. Foundations of Social Epistemics //Synthese, V.73, N 1, 1987.

[2] Касавин И.Т. Понятие знания в социальной гносеологии// Познание в социальном контексте. - М.: 1994. - 289 с.

Таким образом, можно констатировать, что исследование основных эпистемологических проектов, предложенных философской мыслью XX века – эволюционной эпистемологией, герменевтикой, социальной эпистемологией, «натурализированной эпистемологией» - позволило выделить смысловое основание современных дискуссий о познании. Сосуществование двух конкурирующих установок: «фундаментализма» и «релятивизма», их развитие и преодоление в рамках различных интеллектуальных проектов стало определяющей тенденцией современной эпистемологии[1]. Очевидно, что в центре новой архитектоники познания сам человек – исторически действительный, участный, ответственно поступающий мыслью. Представляется, что именно философская природа эпистемологии роднит её с художественным сознанием, а значит и с геометрическим мировидением, имеющим дело с «пространственностью и возможными в ней фигурами, формами движения, деформирующими преобразованиями и т.п. ….хотя об историческом мире, окружавшем первого геометра, нам известно очень мало, но в качестве инвариантного сущностного состава нам известно наверняка, что это был мир «вещей» (включая сюда и людей, как субъектов этого мира)»[2].

Согласно предложенной Р. Рорти классификации философов на «наставников» и «систематиков», позиция философа-систематика иллюстрируется способностью осознавать теоретизированный мир эпистемологии в его одновременной фундаментальности и ограниченности, частичности, предполагающей полноту существования только внутри бытия-события как необходимой системы в ее целостной архитектонике. Данная установка предполагает социальную обусловленность эпистемологической методологии, т.к. изменение отношения к роли и смыслам времени ставит и перед эпистемологией задачу нового осмысления представлений о познании.

Таким образом, неклассическое видение архитектоники человеческого познания не исчерпывается абстрактным субъектно-объектным отношением, но вбирает его лишь как часть фундаментальной целостности, где синтезируются когнитивные (социально-эпистемологические) и пространственно-временные и хронотопические отношения (геометрия).

В третьем параграфе второй главы «Социально-эпистемологическая экспертиза некоторых исторически сложившихся социальных теорий: рефлексивный подход» обосновывается неотделимость методологической рефлексии от этико-политического осмысления человеческих отношений, «чередование эпистемологического и этико-культурного подхода» есть актуальная задача социальной эпистемологии[3]. Рефлексивные факторы являются «сквозными» по своему воздействию на базисные факторы общественного развития

---

[1] Ищенко Е. Н. Современная эпистемология в контексте гуманитарного познания [Текст]: автореф. дис. д-ра филос. наук. - Воронеж, 2005. - 18 с.

[2] Гуссерль Э. Начало геометрии. Вопрос об истоке геометрии как интенционально-историческая проблема [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
http://kosilova.textdriven.com/narod/studia2/husder.htm.

[3] Рикёр П. История и истина. - СПб.: 2002. – 26 с.

(политические, экономические, культурные). Выделение рефлексивных факторов имеет методологический характер, т.е. способно указать на способы осуществления изменений. Характер общества проистекает из традиции, и решение вопроса о том, какие нормы и устои подвергать сегодня общественной экспертизе, исторически актуально.

Рассматривая современные общества как «суть образования, которые отличаются, прежде всего, тем, что "сами производят" свои структуры, сами определяют своё будущее, - а стало быть, обладают способностью к саморазрушению»[1], неминуемо приходишь к следующему утешительному следствию. Общества *сами* определяют своё будущее, которое, может быть ориентировано как на саморазрушение, так и на саморазвитие (саморазвитие - одна из четырёх основных характеристик общества, выделяемых современной социальной философией). Потому закономерно, что зрелая наука, опосредованная сапиенсностью человека, исторически-значимым социальным заказом дня сегодняшнего будет считать парадигму государственного устройства, направленную на качественное видоизменение. В этом определении своего будущего необходима рефлексия над прошлым, в частности, античным наследием, т.к. вплоть до сегодняшнего дня социальная философия опирается на достижения первых философов античности – Пифагора, Сократа, Платона и Аристотеля, оставивших общественно-значимые заветы. Рефлексия сама является важнейшим фактором общественного развития. «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, – пишет Гегель, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости». Именно рефлексия является той «пружиной истории», которая с необходимостью переводит сознание свободы (т.е. дух) на следующую стадию его саморазвертывания, а общество – на следующий уровень развития: «Рефлексия в себе, эта свобода является вообще абстрактно формальным моментом деятельности абсолютной идеи». Тезис о рефлексии как факторе общественного развития, развития всякой человеческой деятельности, справедлив и сегодня. Рефлексия любого из базисных факторов (политические, экономические, культурные) общественного развития или их взаимовлияния может изменить характер реализации каждого из этих факторов[2].

Сочетание философского и политического анализа (где политика понимается как управление общественной энергией), представляет собой метод прикладной социальной эпистемологии. Вкупе с императивным характером междисциплинарной диалогичности современного научного дискурса данный метод применяется для анализа внедрения геометрических образов в социальные и политические теории. На примере пифагореизма иллюстрируется наличие социального заказа если не на реализацию, то на возрождение интереса к соци-

---

[1] Штер Н. Мир из знания // Социологический журнал. 2002. - № 2. - С. 33. Цит. по Ефременко Д.В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы//Вопросы философии. - 2010. - №1. - С. 61.

[2] Марача В.Г. Институты, рефлексия и доверие в контексте вопроса о факторах общественного развития /Рефлексивные процессы и управление. – 2006. - №2. Т.6. – 32-33 с.

ально-философским теориям государственного устройства, «отягощённым» нормами морали.

Сегодня перед лицом истории философии реабилитированы все околонаучные проявления взаимоотношений человека и мира, такие как, обыденный опыт, интуиция etc, следовательно, и пифагорейские каноны, базирующиеся во многом на иррациональной основе, имеют право на существование. Пифагорейским союзом (конец VI в. до н.э. – середина IV в. н.э.) были разработаны социально-политические теории философского толка, актуальные для современного общества: Пифагор, как один из законодателей гражданского общества в Древней Греции, основную свою задачу видел в усилении социально-политической сплоченности общества, в уменьшении меры несправедливости, в создании системы компромиссов, так необходимых для неразумно стратифицированного общества. Таким образом, жизненные цели пифагорейцев относятся сегодня к категории информации, заслуживающей реабилитации.

Центральные концепты пифагорейского союза обличены в геометрические формы, что отражено и во взглядах на государственное устройство. Пифагором изобретён эпитрит (основа из трёх линий государственного устройства) – законодательной, судебной и исполнительной (должностных лиц). Им осуждалась арифметическая пропорциональность как охлократическая, (охлократия характеризуется как выродившаяся форма демократии, где назначение на должность проводилось путём жеребьёвки, неизбежными следствиями чего являлись деспотизм в отношении союзников и беспорядки в управлении), и отстаивалась вместо неё геометрическая. Объяснялось это тем, что при геометрическом пропорционировании всё распределяется по достоинству, так что избегается смешение всех без разбора и проводится отчётливое различение добрых и худых, т.е. каждый получает своё не по назначенному весу и жребию, а в соответствии со своими заслугами и недостатками[1]. Геометрически зашифрованная трактовка справедливости по Пифагору будет выглядеть следующим образом: справедливость подобна той единственной из геометрических фигур, у которой линии (читай: люди), образующие её форму (читай: общество), беспредельны (читай: способны к самосовершенствованию), и в то же время, при неодинаковом их расположении относительно друг друга (читай: различном положении в системе социальной стратификации), они имеют равные потенции (читай: общественное равенство всех, в том числе, и перед законом). Таким «геометрическим» образом Пифагором обоснован законодательный вид справедливости, характеризующийся им как «прекраснейший», ибо он не врачует, а не даёт заболеть[2]. Помимо прочего Пифагором также отстаивалась необходимость дружеского согласия совокупности семейств и домохозяйств, из которых слагается полис (город-община-государство), и, заканчивая дружеским согласием народов и государств между собою. Таким образом, следует констатировать, что люди, общественные группы, общество в целом с помощью философии и других соци-

[1] Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 307 с.
[2] Там же, 305 с.

альных теорий, а также политических идеологий и механизмов социализации создают смыслы, помогающие связывать традиционные ценности (как-то пифагорейские каноны государственного устройства) с новациями различного толка, устойчивые принципы с социальным динамизмом, что не позволит впасть ни в крайний традиционализм и консерватизм, ни в радикальное разрушительство[1].

В заключение диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, отмечается важность дальнейшего изучения поставленных задач.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований.

1. Пономарева Н.Д. К вопросу о политико-эпистемологических ориентирах современного общества//Власть. 2010. - №9. - С.66-67.

Другие публикации автора:

2. Пономарева Н.Д. Концепция императивности геометрического познания мира//Вузовская наука – России: Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвящённой 25-летию Камского госуд. политехн. ин-та (Набережные Челны, 30 марта – 1 апреля 2005 г.). Часть 3. – Набережные Челны, КамПИ, 2005 г. - С. 273-275.

3. Пономарева Н.Д. Танцы об архитектуре (к вопросу о введении тестирования как формы итогового контроля знаний студентов по дисциплине «Философия»)//Человек, культура, образование. Сборник трудов I Всероссийской научно-практической конференции: Изд-во УлГУ, Ульяновск, 2006. - С. 116-118.

4. Пономарева Н.Д. О взаимосвязи геометрического и философского мышления (на примере математических школ античности)//Сборник научных трудов «Социум: проблемы, анализ, интерпретации». Вып. V. МПГУ, Москва, 2006. – С.431-433.

5. Пономарева Н.Д. Человековедение в творчестве П.А. Флоренского//«Человек в современных социально-философских концепциях»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Елабуга, 24-25 октября 2008 г.)./ЕГПУ; Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. – С.144-146.

6. Пономарева Н.Д. Геометрическая императивность процесса познания (в контексте истории и философии науки)//Международный сборник научных трудов «Философия в XXI веке». Вып. 17. – Воронеж, ВГПУ, 2008. – С. 124-132.

7. Пономарева Н.Д. Гносеологические аспекты творчества П.А. Флоренского// Коллективная монография «Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития». Книга 17. – Воронеж: ВПГУ, 2008. – с. 177-188.

8. Пономарева Н.Д. Смысл человеческого существования как основной вопрос философии//«Камские чтения»: Сборник материалов межрегиональной

[1] Асратян Н.М. Смысл и мировоззрение//Современные социальные процессы: человеческое измерение: Материалы Всероссийской научно-практической интернет –конференции/Под ред. С.П. Дырина и Н.М. Асратяна. – Набережные Челны: Институт управления. - 2010. - 7 с.

научно-практической конференции (25 апреля 2009 г.) Часть I. – Набережные Челны: Изд-во Кам. госуд. инж.-экон. акад., 2009. – С. 121-124.

9. Пономарева Н.Д. Континуитивность геометрического и философского стилей мышления (эпистемологический аспект среза “классика – постклассика – постнеклассика”)//«Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева». – Нижний Новгород, 2010. №2 (81). – С. 305-310.

10. Пономарева Н.Д. Апология дисциплин «Философия» и «Геометрия» как шаг к конкурентоспособности выпускника российского ВУЗа//«Образование и наука – производству»: Материалы международной научно-технической конференции (Набережные Челны, 28-31 марта 2010г.). Часть 2, книга 2. – Набережные Челны: Изд-во Камской госуд. инж.-экон. акад., 2010. – С. 35-37. (в соавторстве).

11. Пономарева Н.Д. Эпистемология и методологический анархизм (в свете определения философского статуса синергетики)//«Социосинергетика: синергетическое управление социально-экономическим развитием»: Материалы Международной научно-практической конференции (Набережные Челны, 28-31 марта 2010г.). Набережные Челны: Изд-во Камской госуд. инж.-экон. акад., 2010. - С. 32-36.

12. Пономарева Н.Д. Энциклопедический канон античности: опыт новой актуализации в свете социально-эпистемологических векторов XXI в.// «Современные социальные процессы: человеческое измерение»: Материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции ((Набережные Челны, 20 мая 2010г.).). – Набережные Челны, Институт управления, 2010. – С. 24-26.

13. Пономарева Н.Д. Социальная философия и социальная эпистемология: опыт континуальных связей//«Социальная онтология в структурах теоретического знания»: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, 28-29 мая 2010г.). – Ижевск, УдГУ: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – С. 30-34.

14. Пономарева Н.Д. Современная эпистемология: опыт новой архитектоники познания (к 75-ти летию доклада Э. Гуссерля «Философия и кризис европейского человечества»)//Вестник Удмуртского университета. – 2010. - №2 серия «Философия. Психология. Педагогика». - Ижевск, УдГУ: Изд-во «Удмуртский университет», 2010.

15. Пономарева Н.Д. К вопросу о социально-философской природе эпистемологии//Вестник Удмуртского университета. – 2010. - №2 серия «Философия. Психология. Педагогика». - Ижевск, УдГУ: Изд-во «Удмуртский университет», 2010.

16. Пономарева Н.Д. Российское общество сегодня: социально-эпистемологический контекст//«Русский человек: сущность, своеобразие и перспективы развития». Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Елабуга, 21-22 октября 2010 г.). – ЕГПУ, Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2010. – С.125-129.